

ЛГУ в Великой Отечественной войне: университетский мартиролог и меморизация войны

Проблема изучения социального ущерба и масштабов человеческих потерь далеко не решена применительно к Великой Отечественной войне. Не решенной она представляется для локальных сообществ: того или иного города, региона, социальной или профессиональной группы, отдельной семьи. Применительно к военнослужащим, во множестве случаев не установлено, где и когда погиб человек, примерно четверть погибших в картотеке безвозвратных потерь ЦАМО РФ числятся «пропавшими без вести», это, в основном, потери 1941 – 1942 гг.

Память о войне нередко становится предметом политических манипуляций. Поэтому важны исследования механизмов историзации индивидуальной памяти, формирования коллективной памяти групп и сообществ на материале Второй мировой войны¹. Таким уникальным сообществом являлся ЛГУ, целиком, с его профессорами, студентами, администраторами, вахтерами. Вчерашние студенты сохранили чувство университетского единства на фронте, а после войны осознавали себя участниками величайшего трагического события XX века, творцами истории. Причастность к Великой Победе закономерно вызывала у этого поколения желание воссоздать детали военной эпопеи, увековечить ее. Этот порыв вписывался в общегородское движение по меморизации блокады и обороны Ленинграда, которое началось в 1944 г. и проявилось в создании грандиозного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

Локализация темы «ЛГУ в ВОВ» оказалась очень продуктивной в силу особенностей университетского сообщества, которое формирует свою коммеморативную культуру и осознает свое единство. Это качество было характерно для поколения универсантов военных лет в наибольшей степени.

За 77 лет, прошедших после войны, накопилась обширная литература о том, как переживало величайшие испытания академическое сообщество ЛГУ. Изданы воспоминания студентов-фронтовиков и тех, кто пережил блокаду и эвакуацию², вышло множество статей и документальных публикаций, восстановлены и занесены в «Книгу памяти» (далее – КП) 1067 имен универсантов, погибших и пропавших без вести на фронтах, умерших в блокаду, с развернутыми биографиями³.

Во время работы в Подольском архиве с карточками погибших студентов и преподавателей ЛГУ, удавалось уточнить судьбу числившихся «пропавшими без вести» – в тех случаях, когда на одного и того же человека были составлены карточки с разной, взаимоисключающей, информацией. Создалось впечатление, что архивисты, отвечая на запросы родных или организаций, использовали только первую карточку со сведениями «пропал без вести» (далее, но не всегда, могли быть указаны год, месяц, населенный пункт). В некоторых случаях, когда архивисты могли спутать людей с распространенными фамилиями («Кузнецов Иван Иванович»), удавалось внести ясность, зная РВК, возраст, место рождения, место прописки родных или другую дополнительную информацию. Вообще солдатские карточки – это формальные, малосодержательные регистрационные документы, составленные во время и по окончании войны. Лучше дела обстоят с офицерским составом РККА, т. к. на каждого офицера заводилось индивидуальное «дело». Многочисленные книги памяти по областям, городам, учреждениям, созданные в

¹ Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. [Сб. статей]. М.: НЛЮ, 2005

² Ленинградский университет в Великой Отечественной. 1941 – 1945. Очерки. / отв. ред. Ю.Д. Марголис. Л., 1990. 325 с.; «Мы знаем, что значит война...»: Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб.: Изд.дом СПбГУ, 462 с.

³ Книга Памяти Ленинградского – С.-Петербургского университета. 1941-1945. Сб. документов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 1. 352 с. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ 2000. 198 с.

1990-2000-х гг., используют подобную лаконичную, неполную и далеко не всегда точную информацию, она воспроизводится и в современных электронных базах данных.

Сведения, представленные в двух томах университетской КП (1995, 2000), более точные и детализированные, т. к. ее составители работали непосредственно в архивах: фондах райвоенкоматов, архиве СПбГУ (Объединенном архиве СПбГУ и ф. 7240 ЦГА СПб), где сохранились личные дела студентов и аспирантов, приказы об отчислении и увольнении, личные счета добровольцев; а в ЦАМО РФ – с картотекой безвозвратных потерь и фондами военных частей Ленинградского фронта, в том числе формирований ЛАНО.

На наш взгляд, это издание недооценено историками войны и блокады.

Известны другие подобные издания – КП Политехнического университета (2000 г.), ИТМО, Технологического института и т.д., но они, существуя в печатном или электронном виде, используют, в основном, общедоступные данные. В целом, вузовских мартирологов такого рода не много, вероятно, потому что не было сопоставимых масштабов и «плотности» человеческих потерь как в крупнейших вузах Ленинграда⁴. Нет похожих мартирологов у отдельных предприятий и общественных организаций. Таким образом, академическое сообщество (в данном случае ЛГУ–СПбГУ) оказалось аккумулятором и хранителем памяти о своих погибших более точной и персонализированной, чем другие локальные сообщества. Это отнюдь не случайно.

Воспоминания, письма и дневники университетов о Великой Отечественной войне обнаруживают специфику памяти о войне университетского человека, представляют эту память – как память *коллективную*, аккумулируемую, сохраняемую и транслируемую через систему культурных практик, присущих данному сообществу, таких как памятные мероприятия, встречи ветеранов, создание воспоминаний, мартирологов по факультетам, формирование архивов подлинных документов, которое началось еще во время войны, организация выставок. Уже в 1945-1947 гг. университеты предприняли попытки в форме анкет, интервью, «слетов фронтовиков» собрать военные воспоминания друзей, «по курсам», «по факультетам», «по фронтам», особенно бережно относясь к памяти о погибших товарищах. Была создана постоянная экспозиция Музея истории ЛГУ, посвященная войне.

По приказу ректора А.А. Вознесенского, весной 1947 г. в ЛГУ была создана Общеуниверситетская комиссия по истории войны, мобилизовавшая весь университет на мемориальную работу. Университеты смогли менее чем за два года восстановить имена погибших, составив списки по факультетам, создать уникальный архив военных документов из автобиографий, интервью с фронтовиками, воспоминаний, фотографий, газетных материалов, личных вещей, писем с фронта. ЛГУ провел за это время серию научных конференций («слетов фронтовиков»), в которых каждое выступление было попыткой осмыслить опыт войны. Из этих материалов сложился обширный фонд Музея истории СПбГУ, положивший начало самому музею. Эти архивы были бы много богаче, если бы не «Ленинградское дело», прекратившее кампанию народной меморизации войны и блокады, жертвами его стали многие профессора-блокадники и сам А.А. Вознесенский.

Однако меморизация участия ЛГУ в войне не могла прекратиться. В 1960-е гг. создаются и действуют факультетские Советы ветеранов, группы «Поиск», на каждом факультете организуются Комнаты боевой славы. В 1986 г. во дворе Двенадцати коллегий был открыт памятник «Ушедшим в бессмертие», посвященный добровольцам-ополченцам.

Уточнялись и расширялись списки погибших и сведения о них. Документы, собранные в 1940-1970-х гг. широко представлены в Музее истории СПбГУ, в ф. «ВОВ», многие из них были опубликованы за последние десятилетия.

⁴ Из недавно вышедших изданий, выполненных в традиционном формате, см.: Книга памяти Саратовского государственного технического университета м. Ю.А. Гагарина / Ред. Г.В. Фролов. Саратов, 2020. В книге представлен список погибших, краткие сведения о них основаны на открытых источниках.

Серьезная попытка собрать и издать материалы военных мемуаров и дневников была предпринята в 1988-1989 гг. как продолжение серии «Ленинградский университет в воспоминаниях»⁵, под руководством Ю.Д. Марголиса (1930–1996). В этой работе активно участвовали ветераны Р.Л. Золотницкая, Л.Л. Эльяшова, Г.И. Козлова, Н.А. Ансберг и др., разыскивая уже написанные тексты, побуждая к мемуаротворчеству товарищей по университету. Этот проект был завершен только в 2010 г.⁶ и дополнен материалами Музея истории СПбГУ: подлинными фронтовыми письмами и дневниками военных лет, материалами деятельности уже упомянутой Общеуниверситетской комиссии 1947 г. по истории ЛГУ в ВОВ: анкетами, интервью, выступлениями, которые формировались по свежим следам войны. В издание были включены также материалы некоторых личных фондов Музея (С.Б. Слевича, Н.М. Бородиной, Д.М. Залесского, И.В. Котова), поступлений от Совета ветеранов СПбГУ и частных лиц.

Уникальным проектом меморизации войны и участия в ней универсантов было восстановление имен погибших, которое началось сразу после войны, выразилось в составлении полных списков по факультетам, эту работу долго курировал Совет Ветеранов ЛГУ. В 1970-х гг. были установлены мемориальные доски в зданиях университета с именами погибших. Кульминацией этого проекта стала подготовка университетской «Книги памяти», начатая в 1993 г. Вышло два выпуска КП – в 1995 и 2000 г.

Без наработанных университетским сообществом практик меморизации собственной истории и ее наиболее героических страниц, работа по составлению огромного университетского мартиролога была бы практически безнадежной. Но этот труд не может считаться завершенным проектом. Изданная в двух томах «Книга памяти» включает 1067 биографических справок: 825 – более-менее развернутых биографий и список из 242 имен погибших универсантов, данные о которых отрывочны. Иногда о человеке неизвестно ничего кроме фамилии и факультета.

В то же время, по подсчетам Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова, сделанным на основании предвоенной статистики коллектива ЛГУ, из примерно **11,3 тыс.** человек (7500 студентов очного и заочного отделений, 1,5 тыс. аспирантов, 1000 преподавателей, 400 лаборантов и препараторов, 900 служащих) по крайней мере, **2,5 тыс.** оказались в действующей армии или в батальонах ЛАНО уже в первые два месяца войны, сотни, если не тысячи универсантов погибли в блокадном Ленинграде, по пути в эвакуацию. Около 100 человек погибло при попадании 26 ноября 1941 г. двух фугасных бомб в университетское общежитие на 5-й линии В.О., д. 66. – под завалами здания, которые разбирались трое суток, или от полученных ранений.

Среди ушедших в РККА и в ополчение в июне-августе 1941 г. потери были максимальными. Имен многих студентов, погибших на фронте или в осажденном городе, уже не установить, поскольку они на момент гибели могли «порвать отношения с университетом», устроиться на заводы и в госпитали, поступить в военное училище, не оставив о себе известий в университетском отделе кадров или Комитете комсомола.

Таким образом, после десятилетий коллективных усилий (насколько они последовательны – другой вопрос), мы знаем обстоятельства жизни и гибели 1070 универсантов, отраженные в связных, хотя иногда и кратких биографических справках или же только их имена. Новые имена появляются неожиданно: при расшифровке записанных в разные годы воспоминаний, из сведений родственников, многие из которых так или иначе связаны с университетом. После 2000 г. мы можем дополнить мартиролог примерно двумя десятками имен, но это очень мало.

⁵ См.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников. В 3-х тт. / Ред. В.В. Мавродина. Т. 1: Петербургский университет. 1819 – 1895. Л., 1963. Т. 2: 1895-1917. Л., 1982.

⁶ «Мы знаем, что значит война...»...

По данным ЦАМО РФ, документам Музея истории СПбГУ, военным мемуарам универсантов можно более детально представить историю формирования батальонов ЛАНО с участием ополченцев ЛГУ, их состав и судьбу во время сентябрьских боев 1941 г. под Ленинградом. Это еще один сюжет, который сложился параллельно занятиям университетским мартирологом. Становится понятно, почему судьба ополчения была столь трагической, а память об ополченцах оказалась фрагментированной.

Человеческая память способна хранить то, что не сохранилось в архивах, но только в том случае, если есть, кому вспоминать. Многие из погибших молодых людей не успели создать семьи, родить детей, которые бы помнили их через десятилетия. Щемящие строки песни А. Эшпая «Москвичи»: «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой» – это и о студентах-ленинградцах, добровольцах, которые погибли на ближних подступах к городу. Они уходили на фронт в составе дивизий ЛАНО – Ленинградской армии народного ополчения, и весь фронтовой путь для многих состоял из одного боя, первого и последнего: под Лугой, Красногвардейском или Петергофом... Память о них, как могли, сохраняли, в основном, товарищи по университету, в том числе воевавшие рядом и чудом уцелевшие.

Первые, почти исключительно устные свидетельства о погибших товарищах, сообщенные в Комитет комсомола а позже в Общеуниверситетскую комиссию, говорят о том, что в августе-сентябре 1941 г. в боях на ближних подступах к Ленинграду универсанты погибали массово, целыми студенческими группами. Данные об этой странице войны приходится собирать по крупицам: воспоминаниям немногих выживших, спискам погибших, обрывкам делопроизводства временных подразделений ЛАНО, которые были перемолоты через несколько дней после выхода на боевой рубеж. Это, например, делопроизводство 276, 267, 268 артиллерийско-пулеметных батальонов (артпульбатов, ОПАБов) Василеостровской дивизии ЛАНО, которое сохранилось в ЦАМО РФ. Внутри него – списки должностей, по взводам, сведения о денежном довольствии, алфавитные книги потерь, которые фиксировались в начале боев.

В связи с этой военной страницей истории университета открывается недостаточно изученная страница битвы за Ленинград.

4-5 июля, сразу после досрочной сдачи экзаменов IV курсом, студенты массово стали записываться в ополчение. В фонде 13 с.д., стоявшей более года на Пулковском рубеже (бывшей 4-й гвардейской дивизии ЛАНО), сохранились заявления добровольцев и их списки. Среди добровольцев были люди разных возрастов и профессий, даже самых мирных. В одном из заявлений говорилось: «Прошу зачислить добровольцем. Невоеннообязанная. Еврейка. Профессия – секретарь-машинистка». В этом списке есть и имена студентов и преподавателей ЛГУ, откуда только в ополчение ушло более 700 человек (200 членов и кандидатов в члены РКП(б) и 500 комсомольцев). Из этих людей были сформированы отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны (ОПАБы), приданные 3-й, 4-й и 5-й (Василеостровской) стрелковым дивизиям ЛАНО. 278-й, 277-й, 276-й, 268-й, 267-й, 291-й ОПАБы были укомплектованы студентами Кораблестроительного и Горного институтов, ЛГПИ им. Герцена, академических учреждений, Академии художеств, рабочими заводов им. Козицкого и им. Калинина, табачной фабрики им. Урицкого, др. предприятий. Ополченцам со дня записи начислялось ежедневное денежное довольствие: 70 руб. на комиссара батальона, 50 руб. на командира или помощника командира роты и взвода, 30 руб. на красноармейца, 20 руб. на санинструктора или повозочного (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1.). Сохранились «раздаточные ведомости» на выдачу денежного содержания, по которым можно установить списочный состав батальона и, соответственно, имена студентов и преподавателей ЛГУ в его составе. В свое время это позволило собрать для «Книги памяти» сведения о том, где и когда примерно могли погибнуть универсанты, числившиеся многие десятилетия пропавшими без вести.

Запись в ополчение продолжалась до конца июля. Студенты и преподаватели были распределены по нескольким ОПАБам и в начале августа выдвинулись в места дислокации. Больше всего студентов и преподавателей ЛГУ было в 270, 277 и 276 артпульбатах, входивших в Василеостровскую и Куйбышевские дивизии Народного ополчения. Причем, в 276-м ОПАБ, сражавшемся в Красногвардейском укрепрайоне, оказалось много студентов и преподавателей гуманитарных факультетов ЛГУ, не имевших почти никакой военной подготовки. Внутри делопроизводства батальона есть некоторые дополнительные сведения о его бойцах: «Справка. Дана настоящая гр. Юдзон Н.Ф. а том, что он действительно состоял студентом исторического факультета Лен.Гос.университета. Учебный план выполнил 21 июля. Стипендии не получал и не получает в наст.время. Зам.декана ист.факультета...» (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1. Л. 81). Н.Ф. Юдзон был назначен помощником политрука роты. В той же роте оказались его сокурсники К.Я. Каспаров, И.З. Сморгон, Е.И. Маркон, Д.И. Вербов, доцент международных отношений Х.И. Муратов, назначенный командиром взвода, а также химик И.И. Толстой, математик П.П. Андронов и др. Командовал батальоном Михаил Петрович Заломин, 1908 г.р., беспартийный (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 767223. Л. 6). Батальонным комиссаром 276 ОПАБ был назначен преподаватель философии ЛГУ Николай Петрович Троян, состоявший в кадровом резерве РККА и имевший военную подготовку (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1. Л. 129 об.). Списки личного состава 276 ОПАБ сохранились в ЦАМО РФ. В списках преобладают фамилии историков, филологов, философов, экономистов. В других батальонах (264-м, 267-м, 268-м, 277-м) также было немало универсантов (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1 (Списки личного состава); Оп. 767223. Д. 1; 267 ОПАБ. Оп. 23418. Д. 3; Ф. 268 ОПАБ. Оп. 15227с. Д. 2, 4).

276 ОПАБ формировался с 4 по 18 июля в Главном здании ЛГУ, окна первого этажа Двенадцати коллегий уже были заложены кирпичом, выход в сторону Невы был превращен в пулеметную точку. В составе батальона было более 400 бойцов: 4 артиллерийско-пулеметные роты, каждая состояла из 4-5 взводов и двух противотанковых отделений по 7 чел. в каждом. На артиллерийский «взвод» из 12 человек полагалось одно легкое орудие и один пулемет. Каждому батальону придавались: прожекторная станция, радиотелеграфная станция, взвод боепитания, взвод управления, саперный взвод, санитарно-обмывочный пункт, пункт медпомощи с зубным врачом и клуб. Кого-то из ополченцев с незаконченным техническим образованием (условно – второй-третий курс матмеха) в июле успели распределить по военным училищам для ускоренной подготовки офицеров-летчиков, связистов, артиллеристов. В университетских ОПАБах, в основном остались историки, филологи, биологи, экономисты. Первых было большинство, поскольку и численность студентов исторического факультета в 1941 г. была наибольшей – свыше 1000 чел.

18 июля, по завершении формирования, батальон совершил переход в Красное село. По свидетельству участников событий, за время пребывания в Красном селе до выхода на боевой рубеж ополченцам удалось провести не более 2-3 стрельб из боевых винтовок, во время которых каждый боец сделал не более пяти выстрелов⁷.

В местах дислокации частей ополчения были сооружены ДОТы, по прибытии на место линии укреплений на ходу достраивались самими ополченцами.

24 августа Красная армия после тяжелых боев оставила Лугу, затем была потеряна узловая станция Мга. 20 августа врагом был произведен мощный артобстрел всего Красногвардейского укрепрайона. 25 августа для поднятия боевого духа частей в Гатчину (Красногвардейск) приехал К.Е. Ворошилов.

⁷Коваль Г.М., Смирнов Ю.К. Путь 276 ОПАБ // Цитадель под Ленинградом: Гатчина в годы Великой Отечественной войны. Сб. Сост. И.Г. Любецкий. СПб., 1992. С. 111-113

Первые столкновения ополченческих частей с превосходящими силами немецкой армии произошли на этом участке 25–27 августа [4, с. 7-12]⁸. 8 сентября был захвачен Шлиссельбург, что фактически означало окружение города. Но бои на ближних подступах юго-западного направления становились все яростнее. 8-10 сентября немцы прорвали фронт 42 армии, защищавшей южные подступы к Ленинграду.

276-й артпульбат в составе 5 дивизии ЛАНО в первых числах сентября занял центральный сектор Красногвардейского укрепрайона между Скворицами и Пендолово, 277-й ОПАБ прикрывал направление Ропша – Разбегаево, 291-й – Пушкинский укрепрайон, 264-й – Петергофский укрепрайон с деревнями Сашино и Марьино. Последний назвать «укрепленным» было довольно сложно. Линия обороны проходила между Старым и Новым Петергофом, по берегу Английского пруда. Тем не менее, ее удерживали несколько дней (20 – 23 сентября). О жестокости боев и сегодня напоминают руины полностью разрушенного Английского дворца, ставшие памятником обороны.

10-11 сентября немцы были уже на окраинах Красногвардейска и Пушкина, вышли к Финскому заливу западнее Ораниенбаума, 12 сентября захватили Красное село. В ночь с 12 на 13 сентября 4-я стрелковая дивизия ЛАНО вышла в район Пулкова и сразу же вступила в бой. 3-я стрелковая дивизия сражалась за Петергоф, Ропшу, Володарскую. 5-я дивизия также обороняла Петергоф, Константиновку, Пулковские высоты.

276-й артпульбат, оборонявший 5-километровый участок фронта, 10 сентября был атакован немецкими танками, стремившимися выйти на Красносельское шоссе и к железной дороге. Батальону пришлось отойти от ст. Пудость и д. Б. Рейзино, теряя бойцов. Весь день 11 сентября прошел в отражении атак танков и пехоты. В ночь с 11 на 12 сентября батальон был разрезан на три части и частично окружен, последние часы боя шли уже в пределах Гатчины, на территории санатория «Тайцы», погибли командир и комиссар батальона [7, с. 121]⁹. Остатки батальона во второй половине дня 12 сентября отошли, прикрывая узкий простреливаемый коридор в сторону Павловска, который соединял Красногвардейский укрепрайон с тылом. Через 4 дня «коридор» был ликвидирован, Павловск взят немцами, а 276-й ОПАБ, как и другие ополченческие батальоны, был окончательно рассеян и перестал существовать как боевая единица. Общие потери батальона в документах не отражены.

О действиях у д. Разбегаево 20-22 сентября 277-го ОПАБ, также включавшего студентов ЛГУ, сохранились воспоминания ополченцев В.И. Демина и В.А. Золотавина, опубликованные нами несколько лет назад¹⁰. Они рисуют картину непрерывного хаотического боя. Нам удалось также записать устные воспоминания бывшего ополченца, профессора-экономиста В.С. Торкановского.

Как складывалась в этой жестокой схватке судьба каждого из вчерашних студентов, можно только гадать. На некоторых участках фронта батальоны ополченцев смогли продержаться до 3-х дней против моторизованных частей группы армий фон Лееба. 19-21 сентября немецкое командование принимает решение остановить наступление и блокировать Ленинград.

Родные многих ополченцев не имели никаких сведений о месте и времени их гибели. Так, Натан Фаддевич Юдзон, историк, только что с отличием окончивший университет, скорее всего, погиб 10-12 сентября 1941 г. под Красногвардейском¹¹. В официальном извещении, которое было получено по запросу матери, спустя 7 лет, было указано, что он пропал без вести в сентябре 1943 (!) г. Его старший брат Иосиф всю жизнь пытался найти хоть какие-то свидетельства его гибели, но так и не нашел. Юдзон-старший переписывался с ополченцами, оставшимися в живых.

⁸На ближних подступах к Ленинграду: Гатчина (Красногвардейск) в годы ВОВ. Л., 1986. С. 7-12

⁹Коваль Г.М., Смирнов Ю.К. Путь 276 ОПАБ... С. 121

¹⁰«Мы знаем, что значит война...» С. 31-42

¹¹Книга памяти Ленинградского ... Вып. 1. С. 338-339.

В.И. Демин в своих воспоминаниях называет имена многих товарищей, бойцов другого, 277-го ОПАБ, сражавшегося у развилки дорог за д. Разбегаево, которые, кстати, не попали в университетскую КП.

Официальная статистика о потерях ополченцев отсутствует, но историки должны продолжать поиск и уточнение потерь, понесенных университетом. По мнению Г.Л. Соболева, большинство погибших универсантов погибли в первые месяцы войны на фронте, и в городе – в первую блокадную зиму.

Уже говорилось, что в девяти батальонах Народного ополчения, находившихся в составе стрелковых дивизий ЛАНО, по документам, насчитывалось до 700 добровольцев-универсантов [1, с. 20]¹². Общее же число универсантов, вступивших в ополчение, простиралось до 1,5 тыс., однако значительная часть их, как правило, имевших военную подготовку, в первые же недели формирования ЛАНО, еще в июле, была распределена в военные училища, на ускоренные курсы подготовки военных специалистов, влита в кадровые части, уже сражавшиеся на фронтах. Некоторые из числа профессоров были возвращены в Университет. При этом мемуаристы-универсанты (М.П. Хомонов, С.В. Солдатенков) свидетельствуют о том, как нерасчетливо относилось командование к ценнейшему человеческому материалу: когда уже подготовленные на курсах артиллеристы из числа студентов бросались «в прорыв» рядовыми-пехотинцами, когда в одном подразделении на передовой почти все, включая рядовых, оказывались людьми с высшим образованием...

В 1970-80-е гг. сами ветераны-ополченцы разных батальонов пытались создать связную историю обороны Ленинграда на ближних рубежах. Действовали советы ветеранов этих подразделений, происходили встречи, издавались книги, открывались мемориалы (такой был в д. Разбегаево). На каждом факультете ЛГУ существовали Комнаты боевой славы, действовали группы «Поиск», создавались первичные архивы. Но времена, когда в коммеморации такого рода вовлекались живые участники событий, давно прошли. Поисковым отрядам (среди которых и поисковый отряд СПбГУ «Ингрия» под руководством доц. Е.В. Ильина) ныне удастся восстановить имена едва ли 2% поднятых поисковиками бойцов: кого по медальону, кого по медали или алюминиевой ложке с фамилией. Ополченцы по-прежнему остаются для нас, в основном, безымянными: у них не было медальонов, списки потерь батальонов фрагментарны и составлялись только на первом этапе боев (например: ЦАМО РФ. Ф. 267-го ОПАБ. Оп. 23415с. Д. 11: Списки безвозвратных потерь батальона и пропавших без вести при переходе на новый рубеж из Красногвардейска; Там же. Д. 12).

О колоссальных потерях университета написано много. Но судьба ополченцев была особенно трагична, хотя некоторые из них после боя, в котором перестали существовать их подразделения, смогли вернуться в город, как историк Д.Н. Альшиц, чтобы потом снова быть мобилизованными.